

Elżbieta TYSZKOWSKA-KASPRZAK

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

Hero of Contemporary Russian Prose

**Anna Skotnicka: Szczelina.
Bohater współczesnej prozy rosyjskiej i jego światy.
Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego:
Kraków, 2020. 335 pp. ISBN 8323347719**

Annotation

The text contains a review of the monograph by the Polish literary critic Anna Skotnicka *A fissure: A hero of contemporary Russian prose and his worlds*. The author considers incompleteness, absence, and insufficiency as a property of the existence of the character of the works of Russian writers of the late 20th to early 21st centuries. The sources of this problem, according to Skotnicka, can be seen in the state of disintegration of the social, psychological and mental image of the world in a changing reality, especially historical changes: the collapse of the Soviet Union, as well as political, cultural and social transformations. With these phenomena, the Polish literary critic also connects the concept of chaos, which is characteristic of the postmodern perception of the world as disunited, incomprehensible, alien in relation to people. Skotnicka considers these problems based on the works of Mikhail Kuraev, Svetlana Aleksievich, Roman Senchin, Lyudmila Petrushevskaya, Lyudmila Ulitskaya, Vladimir Makanin, and Mikhail Shishkin. The author refers to the current achievements of the humanities, especially philosophy. The work is innovative and stimulates reflection on the state of the modern human.

Keywords: *contemporary Russian prose, interpretation, literary hero, culture, philosophy, literature*

Словами «щель», «пустота», «разрыв», «разлом», «трещина», «рана» можно определить состояние героя современной русской прозы. Такую установку дает в своей книге знаменитая польская исследовательница русской литературы Анна Скотницка. Поэтому в монографии «Щель. Герой современной русской прозы и его миры» она рассматривает неполноту, отсутствие, недостаточность как свойство экзистенции героев произведений русских писателей конца XX – начала XXI веков. Источники этой проблемы, по мнению автора, можно усматривать в состоянии распада социального, психологического и ментального образа мира в условиях меняющейся действительности, особенно исторических перемен: распада Советского Союза, а также политических, культурных и общественных трансформаций. С этими явлениями польский литературовед связывает также понятие хаоса, характерного для постмодернистского восприятия мира как разобщенного, непонятого, чужого

по отношению к человеку. Скотница подчеркивает присутствие категории «щели существования» в литературных произведениях многих авторов, причем очень разных, и утверждает, что как в модернистских, так и в постмодернистских текстах заметна поэтизация и освоение хаоса как универсальной формы бытия.

В анализе избранных литературных текстов автор сосредоточивается на проблемах разрушения идентичности героя, его непонимании самого себя и крахе прежних ценностей, результатом чего стала потеря смысла бытия. В трех частях книги рассматриваются вопросы, наиболее существенные для описания положения человека в современном мире. Первая часть охватывает произведения, герои которых представлены в условиях политических и общественных трансформаций, в основном, 90-х гг. XX века. Здесь «щель» приобретает отрицательную коннотацию и сближается по значению с «отсутствием», а персонажей можно назвать «человек в броне» (Ч. Тейлор). В таких произведениях герой отчужденный, он отстраняется от всего, что лежит за гранью его понимания. Скотница задается вопросом: «Как проявляется и с чем связано это отчуждение в экзистенции героев современной русской прозы?».

Замкнутость и обособленность человека во время трансформаций конца XX века представлены на материале произведений Михаила Кураева, Светланы Алексиевич и Романа Сенчина. Опираясь на произведения «Ночной дозор» Кураева и «Время секунд хэнд. Конец красного человека» Алексиевич, литературовед выдвигает тезис о том, что стержневыми чертами в психологическом портрете персонажей выступают изоляция и установка на выживание. Писатели представляют героев в промежуточном состоянии общества, живущих в новую эпоху, но постоянно пытающихся осмыслить прошлое. Несмотря на жанровые различия, оба произведения объединяет форма личного высказывания: авторы предоставляют голос своим персонажам. В обоих случаях герои – люди, принявшие идею социализма, выросшие в ней и пропитанные ею до такой степени, что не могут от нее уйти. Важным отличием является факт, что Кураев отдает голос палачу, а Алексиевич – как палачам, так и жертвам.

В случае героев Алексиевич исследователь отмечает потерю чувства безопасности, что заставляет их воспринимать и прошлое, и настоящее как время хаоса и отсутствия нравственных принципов. При этом исключение из привычных условий не влечет за собой принятия новых. В свою очередь, в конструкции протагониста романа Кураева Скотница отмечает все признаки homo sovieticus, подвергшегося процессу инфантилизации, приведшей к послушанию и пассивности, безынициативности и зависимости от директив. В результате тоталитаризации человек низведен до функции винтика в машине, рычага, приводимого в действие по приказу партии.

Скотница ставит цель показать, как идея социализма обживает психику героев, как они с ней живут, видят мир через призму этой идеи, а также как переносят опыт кризиса социализма и связанного с этим распада государства. Особое внимание она уделяет изображению внутренней жизни героев и тому, как они говорят о своих впечатлениях, эмоциях, связанных с опытом проживания в СССР. В связи с такой установкой, исследовательница анализирует

дискурс персонажей, особенно их воспоминаний, а также обсуждает конструкцию особенного героя – палача и его восприятия социальных перемен.

В последней части первой главы, на материале романа Сенчина «Елтышевы», автор монографии представил другой вариант «человека в броне» – человека деградировавшего. Образ персонажа этого романа литературовед рассматривает в аспекте некоего промежуточного состояния между скукой и отчаянием, а заглавная «щель» проявляется здесь через категорию отсутствия. Скотница подчеркивает, что судьбы представителей семьи Елтышевых характерны для целого поколения начала XXI века, и даже называет их типичными представителями российского общества того времени. Учитывая установку самого автора, она исследует систему персонажей в соотношении с социальными детерминантами их существования. Важным компонентом построения образа героя исследователь считает дискурс как высказываний персонажей, так и повествования. Позиция героя пассивного, ожидающего чуда, приводит Скотницу к выводу, что его судьба развивается по принципу антисказки. В его жизни нет перемен, потрясений, что проявляется и в сюжете – бесконфликтном и монотонном. Экзистенция героев застряла между современностью и прошлым, они не в состоянии проявить какую-либо инициативу или принять решение. Причины такого состояния автор монографии усматривает в разрушении их идентичности и отсутствия самосознания.

Второй раздел книги тесно связан с первым, а его стержнем является проблема эмпатии. Скотница доказывает здесь, что деформированная в советское время традиционная формула литературы сопереживания, сочувствия оживает в новейших произведениях словесности. В литературе после 1985 года намечается дискуссия об изменениях в нравственном сознании общества, приведших к жестокости, насилию и агрессии. Произведения, содержащие наиболее яркие образы насилия, получили название *чернуха*, а изображение действительности в них часто не соответствовало познавательным и эстетическим канонам читателей. Скотница обсуждает проблему межличностных отношений в ситуации насилия на примере героев произведения Людмилы Петрушевской «Такая девочка, совесть мира» и Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Герои рассказа Петрушевской принадлежат советской эпохе со всеми ее чертами: насилием, агрессией, подозрительностью. Несмотря на это, по мнению автора монографии, произведение можно рассматривать и в универсальном плане, как рассказ о разных типах обиженного человека. Основными проблемами произведения, которые отмечает Скотница, становятся уровень нравственного развития персонажа, его идентичность и сосуществование людей, а также модель общества, которая обнаруживается в этой истории. Литературовед предлагает рассмотреть эти вопросы в ракурсе тоталитарного наследия героя. Принимая во внимание замечания писателя о сострадании как основной эмоции, связанной как с созданием литературного произведения, так и с его прочтением, а также с заглавием, содержащим слово *совесть*, Скотница предполагает, что повесть посвящена сопереживанию как этической проблеме.

Это иллюстрируется двумя женскими персонажами: героиней-рассказчиком Петровой и ее соседкой Раисой.

Автор монографии замечает, что тематически на первый план выходят сострадание и дружба, а на уровне поэтики можно наблюдать прием удвоения в построении персонажей, разрыва и раздвоения, создающего впечатление зеркального отображения. Учитывая такую модель персонажей, Скотница ставит вопрос о смысле названия произведения: к кому относится определение «такая девочка, совесть мира»? Она приходит к выводу, что фактически в рассказе представлены две точки зрения – рассказчика и автора, что делает восприятие произведения более динамичным. В результате рассказ не оставляет читателя равнодушным, когнитивный диссонанс вызывает у него неуверенность, раздражительность, гнев. Этому способствует и поведение рассказчика по отношению к другой женщине, нарушающее нормы и обнаруживающее отсутствие эмпатии. Проведенный анализ позволяет исследователю назвать вторую героиню жертвой. Как представительница этнического меньшинства, женщина, испытывающая насилие со стороны мужчины, больной и сверхчувствительный человек, вытеснена на обочину социальной жизни, занимая пространство между включением и исключением.

В части, посвященной другому литературному тексту – «Даниэль Штайн, переводчик», исследователь присоединяется к обсуждению сущности заглавного героя, признавая, что целью создания его образа было для Улицкой спровоцировать дискуссию об основных ценностях и принципах поведения христианина. Чертой характера, которую исследователь считает важнейшей в портрете героя, является возвышение человека над всеми другими идеями. Эта мысль проявляется на протяжении всей жизни героя, а также в запутанных судьбах других персонажей. Скотница доказывает, что главные проблемы романа – межличностные отношения в послевоенной действительности, крах идеологий, потребность в абсолютизации жизни человека, поиски Бога, роль религии. Самое важное для смысла произведения то, что в мире разногласий, ссор, непонимания брат Даниэль усердно ищет то, что связывает людей, а его ориентиром является Иисус Христос. Милосердие для него важнее принципов веры, сострадание ценнее заповедей.

Скотница подчеркивает, что задача главного героя-переводчика, выделенная в названии романа, означает не только понимание других языков, но прежде всего умение наводить мосты между разными культурами. Брат Даниэль осознает свое жизненное призвание как объединение людей, поэтому Улицкая представляет его в ситуациях разговора, оказания помощи и примирения поссорившихся. В диалогическом характере существования персонажа исследователь усматривает идею общения, в котором задействованы как речь, так и чувства, а также воля собеседников. Диалог, как констатирует литературовед, открывает человека Другому, заставляет увидеть самоценность психологических и эмоциональных взаимоотношений, признание достоинства Другого в поисках истины.

Наиболее существенной главой монографии является, несомненно, последняя, посвященная творчеству Владимира Маканина и Михаила Шишкина. В этой части автор разбирает те произведения писателей, в которых основной проблемой является постижение, видение и понимание мира с его разорванной структурой. Как замечает Скотницка, оба писателя размышляют о природе мира, его непреодолимой двойственности. В своих поисках и упорядочении переживаний они обращаются к античности, чтобы рассказать о состоянии современного человека.

Рассматривая экзистенциальный пейзаж, который содержат произведения Маканина, исследователь выделяет два образа: реки и молнии, репрезентирующие стихии воды и огня, которые организуют художественный мир писателя. При этом экзистенциальный пейзаж понимается автором как способ существования маканинских персонажей, их склонность и способность к рефлексии.

Важное место в рассуждениях о мире прозы Маканина занимает анализ повести «Лаз». По мнению Скотницкой, в анализируемой повести изображенный мир не наделен самостоятельным характером, и читатель осознает, что имеет дело с созданным, искусственным образом. Мир здесь показан неустойчивым и временным, лишенным стабильности. Его важной особенностью является отсылка к более ранним текстам автора. В повести мы находим такие стратегии описания мира, как деформация реальности, искривление времени и пространства, трансформация первого плана во второй, проецирование пространственно-временной системы на экзистенциальные переживания персонажей.

Подытоживая свои рассуждения о повести «Лаз», Скотницка приходит к выводу, что произведение не имеет катастрофического смысла, а образы распада приобретают положительную оценку, поскольку смерть и падение – условия трансформации, возрождения. Исследователь указывает, однако, что элементы составляющие творческую практику Маканина: относительность, сочетание противоположностей, внутренне неоднозначных понятий, оппозиций, заставляют каждый раз оспаривать результаты исследований, побуждают к новым интерпретациям.

В следующей части этой главы Скотницка поставила задачу представить видение и изображение мира в творчестве Михаила Шишкина, в которых она замечает наиболее частое появление элементов, связанных с категорией «щели». В начале автор отмечает, что проза Шишкина с трудом поддается традиционным исследовательским процедурам, а его произведения не поддаются интерпретации. Материалом этой главы стало все творчество Шишкина. Понять смысл его прозы помогает идея скрытой гармонии. Литературовед акцентирует внимание на нескольких образах и приемах писателя, которые считает наиболее репрезентативными. Так, особое внимание она уделяет противопоставлению видимого и невидимого миров, которое повторяется в различных текстах автора «Письмовника».

Важным наблюдением Скотницкой является замечание о перцепции произведений Шишкина: она утверждает, что писатель заключает своеобразный

договор с читателем, при котором реалистические элементы произведений отступают на второй план по сравнению с субъективным восприятием мира в целом, а читатель в процессе чтения не только реципиент, но и создатель этого мира. По мнению исследователя, Шишкина больше волнует сама ситуация письма и чтения, создающая специфическую общность переживаний. Поэтому мир появляется каждый раз, когда книга читается, благодаря усилиям читателя. В произведениях писателя Скотница видит восхваление мира, представляющего собой вечно движущийся поток жизни, который Шишкин связывает с записанным словом и литературой. Автор монографии подчеркивает также связи писателя с европейской культурой, античностью, топосы которых он использует для представления состояния современного человека.

Книга польской исследовательницы стимулирует рефлексию по поводу состояния современного человека и его репрезентации в новейшей русской литературе. Исследование проведено на очень высоком научном уровне. Скотница рассуждает о героях современной русской прозы, ссылаясь на актуальные достижения гуманитарных наук, использует суждения, прежде всего, современных философов (среди прочих М. Фуко, З. Баумана, Й. Брах-Чайны, Г. Агамбена, М. Мерло-Понти). По всей вероятности, книга не останется незамеченной в литературоведческой среде, а также в кругу культурологов и философов.

Elżbieta TYSZKOWSKA-KASPRZAK
[Эльжбета Тышковска-Каспшак]
Вроцлавский университет
Институт славянской филологии
Вроцлав, Польша
elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl
ORCID 0000-0001-8297-0630

